

Мартин Лихтмесц

Цена сопротивления

Оригинал: Martin Lichtmesz. Der Preis des Widerstands

Источник: Часть I. <https://sezession.de/64148/der-preis-der-widerstands-1>

Часть II. <https://sezession.de/64149/der-preis-des-widerstands-2-scorseses-silence>

Перевод с немецкого, 2021 г. На русском языке публикуется впервые!

I

Какую цену вы готовы заплатить за свое сопротивление?

Этот вопрос возник у меня (снова) два месяца назад, когда я читал статью Каролины Зоммерфельд «Не быть NPC» (неигровым персонажем), написанную по поводу «требования ношения респираторной маски FFP2», введенного в то время в Австрии, которое теперь также применяется и в Германии.

Это требование натягивать себе на рот и нос эту токсичную пластиковую емкость (соответствующим образом «сделанную в Китае») было с медицинской и эпидемиологической точки зрения бессмысленным (если не контрпродуктивным), эстетически неприемлемым, унижающим человеческое достоинство, и оно являлось очевидным шагом к еще большей унификации, требованию консенсуса и принуждению.

Единообразие масок также подразумевает единообразие взглядов, о чем следует сигнализировать внешнему миру. Многие, кто не убежден в защитном эффекте или необходимости «маски от коронавируса», видят в ней что-то вроде шляпы Гесслера, и я полностью разделяю это чувство.

И, как и многие другие, я вижу в авторитарных мерах правительства не только некомпетентность, заблуждение или жажды власти. Скорее нас систематически заставляют жить в царстве лжи (правда, не только со вчерашнего дня), что Арнольд Гелен определил как отличительный признак дьявольского.

Здесь на карту поставлена не только наша личная свобода, но и наша внутренняя целостность, наша порядочность, и при этом выбор брошен в равной мере нашему самоуважению, гордости и совести. Так как же нам реагировать на необоснованные требования, которые к нам предъявляют? В тексте Зоммерфельд я наткнулся на параграф, который мне крайне не понравился:

Собственный нормопатический импульс, новое форматирование взрослых в духе Макаренко, не может быть остановлено в долгосрочной перспективе – сначала: пробуйте это как можно дольше, пока это еще получается, «отказом от маски» (насколько долго этот отказ может продлиться в условиях контролируемого полицией принуждения и высоких штрафов?). Это определенно не из-за 'reservatio mentalis' (бормотание про себя под маской «на самом деле я все же не делаю это вместе со всеми»). И насколько далеко уведут нас многочисленные демонстрации 'Без масок по городу' в эти дни – это все еще вилами по воде писано.

Собственный импульс, скорее всего, можно будет остановить решительным и сознательным принятием этой формы угнетения.

«Не понравился», однако, это слишком мягко сказано. Вы вряд ли сможете найти что-то более радикально противоречащее моим внутренним убеждениям и ценностям, чем это последнее предложение, которое вызвало у меня бурную аллергическую защитную реакцию.

Я, скорее, считаю так:

Во-первых, «угнетение» вы принимаете только тогда, когда вам приставляют пистолет к груди, и в этот момент фразы типа «решительный и сознательный» – просто нелепые мысленные приукрашивания, которые делают ваш собственный провал и бессилие немного более терпимыми. Во-вторых, я не думаю, что «требование ношения маски FFP2» уже достигло той точки, когда пришлось бы принимать такие драматические ванны в пораженчестве (чтобы без сопротивления признать собственное поражение?). Это несправедливое требование и ужесточение, но все же еще не конец света. «Угнетение» еще не настолько суровое, чтобы пришлось сложить все оружие.

Возможности саботажа в данный момент никоим образом не исчерпаны, для этого нужно лишь определенное мужество: вы можете надеть маску «не полностью», вы можете обрисовать ее черными крестиками или разными высказываниями в знак отказа, вы можете отказаться от нее полностью или в качестве компромисса продолжать ходить в шарфе-трубе или в чем-то подобном. А когда вам выписывают штрафы, вы можете оспорить их и заставить суды работать.

Я знаю людей, которые сделали все это, кто с шармом и наглостью упрямо отказываются носить маску, и никто до сих пор не заплатил штраф. В общественном транспорте всегда могут быть неприятные столкновения с сотрудниками службы безопасности или истеричными пассажирами, но обычно большинство людей не обращают внимание на тех, кто отказывается от масок или саботирует их.

А что касается демонстраций «Без масок по городу», то в то время, когда Зоммерфельд писала эти строки, они еще только начинались, и с тех пор они уже оказали значительное влияние и привлекли внимание, побуждая тысячи людей, давая им опыт и вызывая значительный стресс у правительства. Разве это ничего не стоит?

Для меня также полностью загадка, как можно «остановить собственный импульс», «решительно и сознательно принимая угнетение», в то же время отвергая «reservatio mentalis» (мысленную оговорку). На самом деле это было бы просто смирением и уступкой, в то же время отказом даже от тайного скрежета зубного, чтобы не вкладывать излишнюю энергию в бессильное негодование. В конце концов, если вы подчинитесь без сопротивления, если вы покинете поле сражения, то это только окажет услугу режиму и абсолютно ничего не «остановит».

Зоммерфельд предвидела это возражение:

Что это значит, помимо того, чтобы подчиниться и после долгого обсуждения, в конце концов, надеть маску FFP2? Можно ли вообще отличить сознательное принятие от принуждения? Я думаю, очень даже можно.

Однако ответ, как это «можно» сделать, крайне расплывчатый и неудовлетворительный. Зоммерфельд не приводит конкретных примеров того, как в ее понимании должно выглядеть сопротивление и, прежде всего, в каких действиях оно должно выражаться. По крайней мере, я не понимаю, к чему она здесь ведет.

Конечно, здесь играют роль разные темпераменты. У каждого есть свои стратегии борьбы с бессилием. Даже если кто-то сталкивается с превосходящей силой и рационально видит лишь небольшие шансы избежать ее хватки, для меня это соответствует греху отчаяния – предвкушать в душе триумф этой превосходящей силы задолго до того, как этот триумф действительно произойдет, и вести себя соответственно.

Мы никогда не можем узнать, как повернется колесо фортуны. История полна примеров неожиданных поворотов, внезапно разрушающихся империй и павших правителей, всевозможных грубых просчетов, за которые однажды придется заплатить.

Мы также не можем знать, какие плоды принесет наше сопротивление в долгосрочной перспективе, какие семена посеет наша жертва для будущих урожаев. Однако упорство и стойкость в заведомо безнадежной ситуации – это древний спорт, особенно для мужчин, и, возможно, непонятный для многих женщин.

На мой взгляд, это, скорее, этический долг – защищаться до последнего патрона, бросать как можно больше песка в шестерни и продавать свою шкуру как можно дороже. Каждый булыжник, брошенный в приближающийся танк, имеет свое значение и свою ценность, даже если это всего лишь жест – что не означает, что могут быть более разумные и хитрые стратегии.

Конечно, это не значит, что нужно зря тратить силы или слепо играть в героя. Следует тщательно выбирать холм, на котором хочется погибнуть. Конечно, правильно было бы все тщательно взвесить, спланировать наперед, мыслить стратегически, быть хитрым, как змеи, маскироваться и обманывать, и даже отступать, когда того требует благоразумие. Другими словами, здесь следует применять весь спектр «Искусства войны», как это продемонстрировал древний китайский стратег Сунь-цзы два с половиной тысячелетия назад.

Я думаю, что без преувеличения можно сказать, что мы находимся в состоянии войны, которая ведется в первую очередь с применением психологического оружия. «Режим коронавируса» постоянно требует от нас одобрения своих мер и «систем истины», и мы должны под угрозой наказания подтверждать это одобрение делами. Одних слов недостаточно: мы должны «держаться дистанцию», оставаться дома, воздерживаться от межличностных контактов, носить маски, «тестироваться» и, возможно, однажды позволить сделать себе прививки.

Для этого используются различные средства давления и манипуляции: нас запугивают либо вирусом, либо полицейскими, у нас вызывают угрызения совести, говоря, что мы ставим под угрозу жизни близких нам людей и делаем продление строгого карантина необходимостью, нам угрожают социальным или экономическим давлением (страх социальной изоляции или потери работы), с другой стороны, нам обещают повышение общественного статуса, если мы будем участвовать во всех мероприятиях и представлять себя миру как ответственных граждан.

Таким образом, нашей самооценке и совести постоянно бросают вызов, и мы должны постоянно спрашивать себя, какую цену мы готовы заплатить за нашу недостаточную приспособляемость.

Вот отрывок из циркулярного электронного письма, разосланного моим друзьям в середине марта:

Дорогие друзья, я только что услышал, что теперь все в Германии должны проходить регулярное тестирование. Отказывайтесь! Обязательно отказывайтесь от теста и вакцинации! Потому что СЕЙЧАС еще есть время. Пыточные тиски для пальцев еще не закручены до конца. Они все еще крутятся. Сопровитесь! Итак, любой, кто сейчас категорически не отвергнет тесты и вакцинации – даже зная о возникающих из-за этого проблемах – позже удивится

тому, что еще им подsunут под нос или вживят под кожу. Не надевайте сами на себя оковы, соучаствуя в этом деле. ХВАТИТ!

В самом деле, нельзя отрицать, что наше общество уже давно скатывается вниз по «скользкому склону», как резюмирует это популярное видео Ганса-Йорга Карренбёка.

Мне звонили по телефону. Я получал электронные письма. Ко мне приходили. Теперь я знаю, как это все действует. Ну, давай же, не выпендривайся. Чем раньше мы выполним требования правительства, ВОЗ и органов здравоохранения, тем быстрее мы выберемся из этого. ... Это ведь просто маска. Это же всего на три недели. Это ведь просто из-за больниц. Это только на короткое время, потом все магазины снова откроются. Это просто тест. Это просто приложение для мобильного телефона. Просто чтобы мы знали, с кем вы контактировали. Это просто временное закрытие предприятий. Просто чтобы отслеживать, где вы были и когда. Это только до тех пор, пока у нас не будет вакцинации. Это ведь всего еще несколько дополнительных проездных документов. Это просто цифровой файл с медицинской информацией. Просто пока все не будут вакцинированы. Есть ведь всего несколько побочных эффектов. Это просто зеленый пропуск. Это просто браслет. Это же просто для путешествий. Это просто для работы. Только потому, что иначе нам придется с вами расстаться. Это же просто чип. Это просто дом (интернат?). Это же только самое лучшее для детей. Просто потому, что с вами они не в безопасности ...

Когда одна знакомая попросила у меня совета в одной очень конкретной ситуации, я ответил довольно умеренно: на мой взгляд, не стоит рисковать своей работой и, следовательно, своим существованием из-за отказа от тестирования. Это жертва, которую следует отложить до тех пор, пока действительно не дойдет до крайностей – например, когда вырисовывается вакцинация или что-то похуже.

Основная проблема с тестами заключается в том, что вы более или менее становитесь соучастником происходящей ныне инсценировки, которая в значительной степени основана на массовых тестах: с одной стороны, они должны увеличивать или уменьшать «количество инфицированных», с другой стороны, они служат для формирования соответствующего поведения и привыкания к постоянным «скринингам» здоровья. Теперь вам нужно взвесить, какой ущерб вы считаете большим.

Кроме того, существует дилемма, на которую также намекает Зоммерфельд: чем больше людей отказываются участвовать в «коронавирусных» ритуалах в духе вышеупомянутого призыва, тем больше эти ритуалы теряют свою обязывающую силу, и тем более неэффективным будет давление, которое пытается оказывать правительство. К сожалению, это факт, что отказывающиеся от тестов люди составляют меньшинство и что, вероятно, не хватает «подводных

лодок», чтобы побудить их выйти из укрытия. Таким образом, акт сопротивления и отказа становится самоцелью, вопросом личной порядочности.

Правящая система становится все более тоталитарной, но сегодняшний тоталитаризм работает сравнительно «гуманными» и преимущественно ненасильственными методами, со всеми коварными тонкостями воздействия на поведение, пропаганды и манипулирования сознанием.

Но что, если отказ кланяться шляпе Гесслера повлечет за собой гораздо более высокую цену, чем штрафы, потерю работы и социальный остракизм? Что, если вместо этого нам будут угрожать пытками и смертью? А что, если наши преследователи не будут удовлетворены нашей внешней покорностью, если они потребуют нашего внутреннего согласия и больше не захотят предоставлять нам «ментальные оговорки», как мучители и перевоспитатели в «1984» Оруэлла? В конце концов, каждого из нас можно сделать послушным быстрее, чем он сам хотел бы это признать.

Мне хотелось бы подумать об этом во второй части статьи, используя в качестве основания для размышлений фильм Мартина Скорсезе «Молчание», который также очень подходит для пасхальных медитаций.

II

«Молчание» Скорсезе

Что может означать «внутренняя» свобода, когда «внешняя» свобода ограничена или же человек ее полностью лишен?

После публикации ее текста «Не быть NPC» я поговорил об этом с Зоммерфельд, в частности, в рамках вопроса о том, как можно сохранить личную свободу при возможном будущем «режиме здоровья», не покоряясь. Очевидно, что пришлось бы смириться со значительными потерями, например, со свободой путешествовать, если бы кто-то отказался обновлять свой обязательный «сертификат о вакцинации» с помощью регулярных инъекций. Еще опаснее, когда на карту поставлены работа или образование детей.

С другой стороны, человек, попавший в руки такого режима, сделает себя глубоко зависимым и управляемым. Сегодня он находит под кожей микрочип, на котором можно прочитать его цифровое удостоверение личности, что удобно и практично, потому что он может быстрее пройти контроль в аэропорту, и в супермаркете ему нужно только сканировать запястье, как кредитную карту. Но завтра правительство одним нажатием кнопки может запретить ему путешествовать и делать покупки, если он опубликовал что-то неудобное в

Facebook, зашел не на тот веб-сайт или забыл сделать свое «обновление» вакцинации.

С философской точки зрения тема свободы почти безгранична. Я хочу ее немного упростить: если свобода состоит в том, чтобы иметь возможность делать определенные вещи, которые человек хочет делать, и не делать определенных вещей, которые он делать не хочет, тогда вопрос «внутренней» свободы становится наиболее опасным, когда человеку насильно отказывают в этой «внешней» свободе. Это также включает свободу «быть собой», верность определенным принципам, ценностям, связям и идентификациям, вещам, которые придают вашему собственному существованию значение, почти такое же необходимое, как кислород.

Архетип лишения свободы – человек в темнице. Литература и история полны примеров людей, которые смогли тем или иным образом сохранить свою свободу и достоинство в этой экстремальной ситуации, в том числе защитить себя от внутренней деморализации. Есть режимы, которые не удовлетворяются просто «внешней» покорностью субъекта. Они также хотят сломать их души, лишиться их еще и «внутренней свободы», которую я не могу представить иначе, как «*reservatio mentalis*» – в какой бы то ни было форме.

Там, где еще есть «внутренняя» свобода, она стремится воплотить себя во «внешние» поступки, даже если это всего лишь чтение запрещенной книги в тихой комнатке, как, например, пожарный Гай Монтэг из романа Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Тоталитарное мышление хотят взять под свой контроль этот душевный «глубокий тыл», чтобы в его подлесе не выросли мечты, мысли и дела, которые могли бы повредить притязаниям тоталитаризма на власть или даже спровоцировать восстание.

В романе Артура Кёстлера «Слепящая тьма» (1940) ветерана-большевика Николая Рубашова в ходе сталинских чисток обвиняют в «контрреволюционной» деятельности. Режим не довольствуется тем, что просто ставит его к стенке, но он требует от него полного подчинения, включая публичные признания вины в форме «социалистической самокритики». В конце концов, после промывания мозгов с помощью пыток и допросов он сознается в любом преступлении, в котором его обвиняют, при этом охотно принимая свою смерть за дело партии и коммунизма, своих старых идеалов.

Точно так же мучители из романа Оруэлла «1984» не довольствуются простым запугиванием или терроризмом отступников. Нет, Уинстон Смит должен научиться «любить Старшего брата» и видеть пять пальцев вместо четырех, когда партия прикажет. Так что здесь тоже нужно искоренить каждый миллиметр «внутренней свободы». Однако у Смита и Рубашова было мало внутренних резервов, чтобы противостоять удушающей власти режима. Рубашов верил в коммунизм, из которого допрашивающий комиссар мог сплести для него

петлю, в то время как у Смита было самое большое несколько смутных детских воспоминаний о мире, в котором режим еще не все контролировал.

Каждый заключенный мечтает о свободе, и, конечно же, он стремится к быстрому освобождению из своих душевных глубин. Граф Монте-Кристо в течение многих лет упорно работал для осуществления своего побега, в то время как маркиз де Сад в Бастилии предавался необузданной распущенности в своем воображении, и втайне описывал свои фантазии мельчайшим почерком на рулоне бумаги. «Доктор Б» из «Шахматной новеллы» Стефана Цвейга в одиночной камере смастерил шахматные фигуры из хлебных крошек и воспроизводил шахматные партии, но даже с их помощью не смог спастись от безумия, самой крайней формы внутреннего рабства. Александр Солженицын и Виктор Франкл укрепляли свой дух в ГУЛАГе и концентрационном лагере своим твердым намерением рассказать потомкам о той бездне, которую они видели.

На более высоком уровне земной мир сам становится тюрьмой, из которой можно сбежать, и свобода здесь означает, прежде всего, утратить страх смерти. Но это «монета власти» (Канетти) и один из главных инструментов порабощения людей. Сократ освободился от земных вещей силой своего духа и спокойно выпил чашу с цикутой, рассказав своим ученикам о бессмертии души. Боэций написал свое «Утешение философией» в камере смертников.

Нечто подобное происходит и в религиозной сфере. «Внутренняя свобода» здесь часто заключается в выборе смерти и пыток вместо предательства и отступничества, и таким образом человек спасает свою душу и обретает Царство Небесное. Жанну д'Арк, чей процесс отражает Страсти Христовы, с церковью в роли фарисеев, приводят на еретический скользкий лед в ходе инквизиторского перекрестного допроса с каверзными теологическими вопросами и мучают одиночным заключением, пытаются сломить ее дух физическим насилием и угрозами пыток.

Также ее обвинители хотят убедить Жанну публично отречься, чтобы дискредитировать ее якобы божественную миссию национального восстания против британских оккупантов. Она ломается, отрекается, и ее приговаривают к пожизненному заключению (ей на данный момент восемнадцать или девятнадцать лет). Через несколько дней она отказывается от своего признания и решает пойти на костер с широко открытыми глазами. В знаменитом немом фильме Карла Дрейера этот момент – одна из самых волнующих сцен. Она выбрала Царство Небесное или долгосрочное меньшее зло?

Что приводит нас прямо к фильму Мартина Скорсезе «Молчание» (2016). Основанный на романе японского католика Сюсаку Эндо (1923–1996), он повествует о судьбе двух португальских миссионеров в Японии в семнадцатом веке, во время жестоких преследований христиан. Это захватывающий и глубокий фильм, финал которого лишил меня дара речи.

Далее я буду безжалостно «спойлерить», чтобы четко выделить основные идеи фильма. В первой части этого поста я задавал вопрос о цене отказа от поклона шляпе Гесслера и от магических ритуалов крипторелигии «Коронавируса». По сравнению с миром, показанным в «Молчании», мы все еще пребываем в тихом и удобном детском саду.

В самой первой сцене показано, как христианских миссионеров мучают до смерти, типично китайско-японским, особенно изощренным и медленным способом: их обнаженные тела, привязанные к кольям, снова и снова обливают кипящей водой из горячего источника. Испуганный очевидец этой сцены – миссионер Криштован Феррейра (Лиам Нисон), персонаж, основанный на реальном историческом лице. Спустя годы он бесследно исчез без признаков жизни, и ходят слухи, что он отпал от веры и теперь живет по обычаям японцев.

Два молодых священника-иезуита, Себастьян Родригес (Эндрю Гарфилд) и Франсиско Гарупе (Адам Драйвер), отвергают это как возмутительную клевету и решают отправиться в Японию на поиски Феррейры. Это необычайно смелое решение, напоминающее самоубийственную миссию: преследования христиан как раз достигли своего апогея, и двух миссионеров можно легко идентифицировать как иностранцев белой расы.

Проводником им служит опустившийся чудаков по имени Китидзиро, новообращенный японец, которого мучает сильное чувство вины. Короткий ретроспективный эпизод показывает, что произошло: инквизиторы заставляют подозреваемых попить изображение Христа или Богородицы, чтобы доказать, что они не христиане. Это значительно превосходит принуждение кланяться шляпе Гесслера: здесь от людей требуют не поклоняться идолу, а отвергать, предавать и осквернять своего собственного бога.

Чтобы спасти свою жизнь, Китидзиро подчиняется, в то время как вся его семья отказывается, после чего ее сжигают заживо на его глазах. По ходу фильма Китидзиро будет снова и снова отрекаться и совершать измену, и снова и снова возвращаться к вере и умолять миссионеров отпустить грехи, что они снова и снова делают после каждой его исповеди.

Момент, когда обвиняемые должны решить, наступить ли на икону ногой «хоть раз, очень быстро» или плюнуть на распятие – центральная тема фильма. Этот момент повторяется снова и снова, пока отец Родригес, наконец, не оказывается в этом положении.

Очень похожие сцены дошли до нас также из античных времен гонений на ранних христиан, и здесь тоже подвергалась проверке готовность к политическому подчинению власти государства: христиан заставляли поклоняться образу императора или языческому божеству, если же они этого не делали, им грозила жестокая смерть. И все же, как хорошо известно, именно эта огромная готовность к самопожертвованию укрепляла христианство. Церковь медленно вырастала на крови мучеников.

Однако японские власти в «Молчании» быстро заметили эту динамику. Они понимали, что недостаточно истязать и убивать священников и обращенных в христианство крестьян, куда важнее сломить и деморализовать дух христианства. Ключ к этому – европейские священники, которых угнетенные люди почитают как полубогов и спасителей. Это самые бедные из бедных, низшие из низших в иерархической системе японского общества, которые наивно цепляются за обещания христианства о рае, как за последние крошки хлеба.

Миссионерами движет искреннее желание помочь этим людям, но вскоре они сталкиваются с ужасной дилеммой. Следует ли поощрять этих простых, страдающих людей к мученичеству? Или же лучше посоветовать им сделать вид, что они соглашаются с требованиями инквизиторов? Последнее почти невыносимо для иезуита семнадцатого века: всякий, кто серьезно относится к святости Христа и верит в вечное проклятие, не может терпеть или тем более рекомендовать святотатство, такое как плевание на крест.

Вот тут-то и пригодятся японские инквизиторы, которые виртуозно владеют не только тонкостями физических пыток. Главным противником Родригеса, который скоро попадает в тюрьму, становится губернатор Иноуэ Масасигэ, старый, шепелявый мужчина с глупо улыбающимся клоунским лицом, выпирающими вперед зубами и хриплым голосом. Но внешнее впечатление обманчиво: главный инквизитор Масасигэ очень умен, хладнокровен и опытен.

И действительно между инквизитором и миссионером происходят увлекательные беседы. Масасигэ – «добрый» и «злой полицейский» в одном лице. С изысканной учтивостью он пытается не только силой подчинить себе иезуита, но и убедить его довольно разумными аргументами. Он утверждает, что принципиально не отвергает христианство, что оно, безусловно, правильная религия для Испании и Португалии, но что оно просто не подходит для Японии и ее народа. Семя этого дерева просто не прорастет в местном климате.

Итак, Масасигэ использует этнокультурно-партикуляристский аргумент против христианского универсализма Родригеса, который убежден, что истина всегда должна быть одинаковой везде, иначе она не была бы истиной.

У Масасигэ, однако, есть еще один аргументированный козырь в рукаве: он определенно небезосновательно считает христианскую миссию средством, с помощью которого европейские колониальные державы (он называет испанцев, португальцев, голландцев и британцев) стремятся оказывать политическое влияние на Японию под прикрытием религии, подрывая при этом существующий общественный порядок.

Теперь японцы ломают сопротивление Родригеса на разных уровнях, духовно и физически: его помещают в одиночную камеру и угрожают смертью и пытками; его вынуждают быть свидетелем пыток и казней христиан; в один момент над ним издеваются и смеются, в следующий его просят вступить в уважительные споры предположительно на равных условиях, которые ведутся на его родном языке. Преследователи также оказывают огромное давление на его совесть: может быть, он готов умереть за свою веру, но может ли он также взять на себя ответственность за то, что другие умирают за него? Поэтому он должен отречься и посоветовать верующим – нуждающимся, угнетенным людям, которых он искренне любит, – делать то же самое, чтобы спасти свою жизнь.

В конце концов, самый страшный удар происходит во время встречи Родригеса с отцом Феррейрой, который встречает его в одежде японца и который фактически отпал от веры. Он женился на японке и теперь является уважаемым членом общества. Власти используют его интеллект и западные знания. Ему поручено написать трактаты, опровергающие заблуждения христианской веры. Он служит трофеем и отличной пропагандистской фигурой, препятствующей христианской миссии и приводящей ее в уныние.

Феррейра также пытается соблазнить Родригеса на вероотступничество, утверждая, среди прочего, что религиозные традиции японцев также полны мудрости и имеют много общего с христианством. Однако по его выражению лица легко увидеть, что в глубине души он не очень верит в то, что говорит, и что он вовсе не нашел свой внутренний мир, покорившись японским властям. Скорее, тяжелая меланхолия и подавляющее чувство вины, кажется, давят на него – и еще травма: потому что его, в конечном итоге, тоже «убедили» не «лучшими аргументами», а методом садистских пыток.

Родригесу, измученному одиночным заключением и находящемуся на грани психологического срыва, наконец-то однажды ночью предоставляется выбор, либо в присутствии Феррейры растоптать изображение своего Спасителя (он показывает ему – Ессе homo! – как мучающегося от боли человека), или наблюдать, как пятерых христиан мучают до смерти: их повесили за ноги, их

головы засунули в ямы, пока они медленно истекали кровью и с хрипом задыхались.

«Это формальность. Просто формальность», – шепчет ему один из его умных мучителей.

В этот момент Родригесу кажется, что он слышит голос Христа:

Ты можешь это сделать. Ничего страшного. Поставь на меня ногу. Я понимаю твою боль. Я родился в этом мире, чтобы разделить человеческую боль. Я нес крест за твою боль. Теперь твоя жизнь со мной. Сделай это.

Не то чтобы я знал наверняка, но я полагаю, что настоящий Иисус сказал бы ему именно это в тот момент. Родригес наконец делает, как ему говорят. Теперь его мир рушится. Его сопротивление сломлено. Он опускается на землю, но приговоренные к смерти немедленно освобождаются от мучений по приказу Инквизитора. Вдали можно услышать троекратное пение петуха, за которым быстро следует пронзительное демоническое щебетание сверчков торжествующего японского «болота», в котором не может прорасти христианское семя.

Последние двадцать минут фильма показывают жизнь Родригеса после его отступничества, отчасти глазами голландского купца, который с удивлением наблюдает, как белые священники-отступники на японской службе с каменными лицами проверяют европейские товары, чтобы там не было никакой христианской контрабанды, еще одна область экспертных знаний, в которой они полезны.

Родригес претерпел ту же трансформацию, что и Феррейра: теперь он безбородый, носит японскую одежду и прическу, взял имя умершего японца и женился на его вдове. И, как Феррейра, с которым у него теперь бессловесное соучастие, он выглядит меланхоличным, смиренным и деморализованным.

Снова и снова его проверяют, не остался ли он тайным христианином. Попирание ногами священных образов становится рутинной, которую он должен регулярно повторять. Китидзиро, который когда-то предал Родригеса инквизиторам, подобно тому, как Иуда предал Господа, снова появляется как слуга священника-отступника. Когда обнаруживается, что он спрятал образок в амулете, его уводят и он исчезает навсегда. В конце концов, именно он, величайший грешник и предатель, оказался самым верным и нестигаемым из всех.

Я не собираюсь раскрывать финал фильма, но могу только повторить, что он меня просто поразил.

Скажу только вот что: несмотря на его идеальную внешнюю адаптацию и беспрекословное сотрудничество с антихристианскими японцами, в фильме делается намек на то, что Родригес все же тайно остался верным своей вере. Сохранил ли он свою «внутреннюю свободу», даже если от нее остался лишь крохотный уголок? Какая польза от «внутренней» свободы, если ее больше нельзя воплотить в жизнь? Должна ли она вообще быть «полезной» для чего-нибудь? И является ли она все еще «свободой»?

Рекомендую всем, кто хочет задать себе эти вопросы, посмотреть этот фильм. И, возможно, он также даст нам предвидение того, какое оружие однажды будет использовано против нас и нашего сопротивления.

Кстати, японские католики веками выживали в подполье, полностью отрезанные от христианского мира за пределами Ниппон. Об этом Жан Распай написал в своей книге «Степной топор».

Библиотека Велесова Слобода, 2021 г.